

The background of the cover is a dramatic, apocalyptic scene. A city is shown in flames, with a massive fireball or explosion in the sky, casting a bright orange and red glow over the scene. The buildings are dark and silhouetted against the fire. The overall atmosphere is one of destruction and chaos.

Антон Сибиряков

Дети
апокалипсиса

16+

АНТОН СИБИРЯКОВ
Дети апокалипсиса

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Сибиряков А.

Дети апокалипсиса / А. Сибиряков — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Мир лежит в руинах атомной войны. Уцелевшие люди сбиваются в стаи с единственной целью – выжить. По черному, от поднявшегося пепла, небу, несутся на конях всадники апокалипсиса – сея голод, болезни и смерть. На планету медленно опускается ядерная зима – занавес для всей цивилизации. Где-то на задворках разрушенного Токио, группа вооруженных людей вступает в бой с порождением ада – Зверем, родившимся из раскученного материнского чрева Земли. С большими потерями им удастся отбиться от Зверя, но бой детей апокалипсиса с новым злом еще не окончен...

"Города его сделались пустыми, землю сухою,
степью, землю, где не живет ни один человек
и где не проходит сын человеческий"
Книга пророка Иеремии. Глава 51. Стих 43.

ГУН

Мы пришли в этот городок, потому что нам некуда было больше идти. Скрытый лесами, почерневшими от радиации, он все еще дышал. Нетронутый мародерами, он вглядывался в пожелтевшее небо темными глазами домов. Как ослепший старик, ставший отшельником и оттого не знающий о гибели целого мира, каждое утро, встречая тусклый рассвет, он думал лишь о том, почему стало так холодно. И почему земля, вдруг, стала бесплодной.

Планета сгорела за несколько дней. Превратилась в пепел. Язвы ядерной проказы покрыли сине-зеленое тело так быстро, что даже самые смелые прогнозы оказались пустышкой. Не многим удалось уцелеть в той войне. А те, кто выжил, вряд ли благодарили за это судьбу. В разрушенные города пришли голод и болезни. Похожие на всадников апокалипсиса, они промчались по выжженным землям, сея смерть. Но в изуродованном мире даже такие зерна дали всходы. А всходы дали плоды. И однажды, недалеко от эпицентров взрывов, в воронке, похожей на раскученное материнское чрево, родилось чудовище. Зверь, томившийся в недрах нашей планеты, и ждущий своего часа.

Я видела его. Несколько лет назад мой отряд вступил с ним в схватку на побережье разрушенного Токио. Я помню, как позеленевший океан накатывал на запекшийся берег гнилыми волнами. И запах разложившихся трупов забивался в ноздри. Это был тот день, когда я впервые увидела океан. Столько воды... Говорят – ее никогда нельзя было пить, но сейчас, люди бы все отдали за вкус соленых брызг на губах. Я знаю, каким океан был до войны. Таким же, как небо. Синим.

Поговаривают, что зверь, выбравшийся из-под земли, сам Сатана. Что он ждал именно этой войны долгие тысячелетия, и теперь выбрался из ада, чтобы поработить остатки человеческой расы. Так было сказано в Библии. В книге, которой люди верят до сих пор. Я не знаю, правда ли это, но в том, что этот монстр пришел нас убивать, нисколько не сомневаюсь.

Наш отряд, состоявший из десяти храбрецов, меня и Лина, разбил лагерь недалеко от зараженного океана. В развалинах прибрежных районов, где тяжелая пыль, обогащенная свинцом, позволяла дышать только через маску респиратора. Нам удалось соорудить небольшой костер, который согрел бы нас холодной ночью. На нем мы разогрели скудный ужин, состоявший, как и сегодня, из консервированных бобов. Миго, наш снайпер, снова принялся шутить о том, что ночью ему предстоит прослушать вонючий концерт наших задниц. Я помню до сих пор, как челка выцветших волос спала ему на глаза, когда он смеялся. А мы сидели на разбитых бетонных стенах и хихикали, прожевывая опостылевшие бобы. Я посматривала украдкой на Лина, но он смеялся вместе с остальными, не замечая моих взглядов. А отблески костра играли на роговице его веселых глаз. Это были последние минуты, когда все мы были вместе. Мгновения перед тем, как вся наша жизнь превратилась в безумный побег.

Оно появилось из темноты. Двухметровая фигура с широкими плечами и уродливой головой, словно сшитой из кусков звериной кожи. На нем был серый плащ с изорванными в лохмотья рукавами, и тяжелые солдатские ботинки со стальными носками. Мы все увидели его таким, каким он был – монстром, забравшимся в человеческое тело и разрушившим его до основания. К его правой руке, привинченная стальными болтами, крепилась военная базака, черный зев которой уже вбирал в себя наши испуганные лица. Эта тварь застала нас врасплох. Подошла неслышно, хотя, казалось, от ее тяжелых шагов должна была дрожать сама земля.

Иногда мне снятся глаза Зверя. Злые, они смотрят на меня и, просыпаясь, я хватаюсь за оружие. Чувствую, как колотится сердце в груди, но только шершавая рукоять снайперской винтовки может меня успокоить. Я провожу пальцами по выбитым инициалам Миго и только тогда понимаю, что спала.

В ту ночь, на побережье, когда мы столкнулись со Зверем, Лин спас мне жизнь. Но теперь, кроме меня, об этом никто не помнит. Все думают о том, как бы его бросить, потому что это он бежит, а все остальные просто сопровождают его, следуя зову чести. Но, правда в том, что в одиночку в этом мире, все равно, не выжить. И поэтому мы идем рука об руку. Шестеро из двенадцати. Ровно половина. Все, кому удалось выжить в боине случившейся ночью, три года назад, недалеко от уничтоженного Токио...

Я не успела вытащить громадину револьвера из кобуры. Рука Лина метнулась ко мне быстрее и сбросила меня с края бетонной плиты. Мы вместе упали за ее серую глыбу, и через секунду прогремел взрыв, вздыбивший землю кривым гребнем. В стороны разлетелись куски камней, охваченные пламенем. Они падали около нас, будто метеориты, а Лин держал меня за плечи, прикрывая спиной. Но даже грохот, звенящий в ушах, не мог заглушить криков наших друзей. Они умирали в нескольких метрах от нас, обожженные и истекающие кровью. Лин отпустил меня, и в его татуированной руке тут же возникло оружие – противопехотный револьверный гранатомет, который он всегда таскал сложенным за спиной и называл "ножкой кузнечика". Он не смотрел на меня, а я, как последняя салага, не могла выдернуть пистолет из кобуры, которую всегда носила на бедре, рядом с коленом. Но первыми стрельбу открыли не мы. Я четко услышала попеременные щелчки выстрелов Тага – только он из всей нашей команды стрелял с обеих рук, по-македонски. Его оружием были две двустволки со спиленными дулами. Он притащил этих монстров из походов по Сибири, где все еще водились дикие животные, и выпадал чистый снег. И хотя дула орудий были широкими, выстрелы больше напоминали хлопки в ладоши. В левую. И в правую. По очереди. Таг что-то кричал, но разобрать слов за грохотом выстрелов не представлялось возможным. Весь мир, еще секунду назад молчаливый и серый, наполнился звуками, вплетенными в яркие краски боя.

Я знала, Таг попал в Зверя. Его рев сотряс мою диафрагму так, что из носа закапала кровь. Вот только пули не причинили ему вреда. Вскрыли плоть, но не достали сердца.

А потом я увидела, как тонкая фигура Лина выскользнула из-за укрытия, вскидывая гранатомет к плечу. Мы все были там, и никто не боялся умереть. Но в тот момент я испугалась за него. Потому что любила.

Я поднялась на ноги, высвободила револьвер, и прицелилась в голову Зверя. Он шел напролом, откидывая куски бетона в стороны, не замечая жара, плавящего кожу. В тот момент, когда я открыла огонь, на мушке у меня был его красный затылок. И все шесть пуль, вырвавшиеся из тугих камер, достигли цели. Но отскочили от головы со звоном, выбивая искры. Тогда-то я и увидела глаза Зверя. Он развернулся ко мне, и в его руке мелькнула зазубренная сталь. Всего лишь миг отделил меня от смерти. Я выгнулась прогибом назад и каленая сталь ножа искрой промелькнула над моим животом. Совершая курбет, я выронила револьвер. И пока искала его в дрожащих тенях, Лин обрек себя на побег. Я не видела, что произошло, а он никогда об этом не рассказывал, но когда мы бежали по темным развалинам, он повторял одни и те же слова.

– Теперь эта тварь будет преследовать нас. Из-за меня!

Нашу группу разбросало по разрушенному городу, но мы сумели отыскать друг друга. То были самые страшные часы ожидания в моей жизни. Мы спрятались в одном из уцелевших зданий и выставили сигнальный маячок. Если кто-то из отряда остался в живых, они были обязаны нас найти. От каждого шороха я вздрагивала и вглядывалась в темноту. Боялась, что она примет очертания двухметровой фигуры в плаще. Лин тяжело дышал, не убирая гранато-

мет за спину, и я поняла, что он тоже готовится к худшему. А потом он рассказал мне, что Зверь убил Мигу. Что он видел его тело, с вывалившимися в пыль кишками.

– Ты думаешь, хоть кто-то уцелел?

Даже в темноте Лин не смотрел на меня. Я знала это, хоть и не видела ничего дальше собственного носа. Он боялся моих взглядов. Всегда. Я не чувствовала в нем любви и думаю, именно этого он стыдился. Нас осталось так мало в этом огромном мире, но человеческому сердцу не прикажешь. Любовь избирательна. Ее нельзя вывести математическими величинами. Мои далекие предки были математиками, и я, слушая голос памяти, понимала это лучше других.

– Я не знаю.

Все, что он мне тогда ответил.

Оставшуюся ночь мы просидели молча, по горло увязнув в ее холодных глубинах. Так близко друг к другу, что замирало сердце. И так далеко, что этих расстояний мне никогда было не преодолеть.

А утром, когда желтый рассвет растворил темноту, словно сахар в стакане, нас отыскал Таг. Окровавленный и грязный, перемазанный сажей, он стянул респиратор с лица, и устало улыбнулся.

– Я надеялся, что у этого монстра не хватит мозгов, чтобы завлечь оставшихся вашими маяками.

– Надеялся, что мы мертвы, узкоглазый?

Фиолетовые губы Лина растянулись в ухмылке.

– О, да, брат. Очень надеялся.

Таг приволок с собой винтовку Мигу. И отдал ее мне.

– Гун, ты ведь брала у него уроки стрельбы. Думаю, он хотел бы, чтобы ты присмотрела за его подружкой.

На пыльном стволе черными каплями поблескивала застывшая кровь.

– Что это за тварь была, кто мне объяснит?

Лин пожал плечами, глядя в обгрызенный горизонт. Я заметила, что гранатомет он все также держит наготове.

– Гун?

– Это Зверь. Тот, о котором говорят люди. Лин, ты не хочешь нам ничего сказать?

– Только одно. Гранаты против него бесполезны. Смотри, – он откинул барабан гранатомета в сторону, демонстрируя нам пару пустых камер, – обе – точно в цель. Любого бы разорвало на куски. А эта тварь только отшатнулась на пару шагов...

Позади нас посыпалась и захрустела бетонная крошка.

– Он сбил гранаты рукой, я видел.

С переломленной напололам стены к нам спустился Алан. Чернокожий боец, примкнувший к нашему отряду около года назад, когда мы шли через пустыню, в которую превратился некогда красивый Париж. С ним у нас знакомство заладилась не сразу, потому что он разбойничал, а целью поживы выбрал нас. Только глупец мог пойти на такое. Но глупец отважный. Поэтому когда Лин в прыжке с разворота выбил ему коренные зубы, а Алан все равно поднялся и сжал кулаки для боя, мы решили взять его с собой. И он согласился. Да, честно говоря, у него и не было другого выбора.

– Сбил гранаты? – Таг удивленно вскинул выбритую бровь.

– Звучит нереально. Правда?

– Брат, рад тебя видеть.

Мои мужчины обнялись. А я сидела в углу и грела руки остывшим дыханием.

– Кто-то еще остался? Ты не видел? – Лин достал из патронташа, висящего на поясе, гранату и засунул ее в барабан.

– Ким и Данго погибли. Это я видел собственными глазами.

– Черт... – Таг сплюнул кровавую пену. – Как?

– Храбрецами, – Алан провел дрожащей рукой по бритой голове. – Храбрецами, Таг.

– Ждем до вечера и уходим. Здесь оставаться опасно. Эта тварь будет нас искать, – Лин бегло осмотрел остатки отряда. А я бегло осмотрела его поджарое тело.

Мои родители всегда говорили мне, что я красивая. В нашем доме стоял кривой осколок зеркала и мама каждый вечер, перед тем как уложить меня спать, расчесывала мне волосы. Гребень был старым, без нескольких зубцов, но другого у нас не было. После войны люди научились довольствоваться малым. Деньги перестали существовать, в нашем мире возобладал культ вещей и еды. Но самым дорогим сокровищем являлась чистая вода. Которой с каждым днем становилось все меньше.

Я всегда вспоминаю ту темноволосую девочку, что стояла перед зеркалом, разглядывая свое худое тело. И мамины руки, гладящие ее волосы. От этих воспоминаний становится теплей. Но от тепла этого в глазах постоянно возникает сырость.

Красота покидает нас с годами. Моя мама состарилась и умерла. В последние годы жизни в ней не осталось ничего, кроме сухости и болезней. И слез, по умершему от радиации, отцу.

"Мы навсегда останемся в тебе"

Ее слова иногда проходят сквозь расстояние и время, и касаются моего, залитого слезами, лица.

Они остались. Но воспоминания о них причиняют лишь боль.

С годами мы теряем красоту. Но память остается в нас до самого конца.

Я не верю больше в то, что красивая. Лин не обращает на меня внимания, и воительница Гун делает вид, будто ей все равно. Мне 22 и природа берет свое. Каждый день она говорит мне о том, что я готова...

Когда бледное пятно солнца встало в зените, нас отыскали еще двое бойцов. Чжин и Мяко. Они-то и рассказали нам, что остальные погибли. Тварь убила шестерых. И Лин поторопил нас собираться.

– Куда мы пойдем?

Я не помню, кто задал этот вопрос, но помню, что именно тогда мы решили идти вглубь сибирских лесов. Таг бывал там и сказал, что это единственное место на планете, где мы сможем выжить. Ядерное облако добралось и туда, но суровый край выдержал натиск радиации. Тогда мы еще не знали, каким долгим будет наш путь. Как и не знали, что Зверь всегда шел за нами следом.

А вскоре всем стало ясно, что Лин что-то скрывает. Однажды, пока я пристреливала винтовку Миго, отряд вызвал Лина на разговор, где и открылась правда. Лин рассказал им, что тварь теперь будет искать только его. Не имею представления, что он им наговорил о причинах, но точно знаю, что несколько раз наш отряд порывался разойтись. Но когда доходило до дела, все вдруг вспоминали о чести. И наш путь продолжался. Наверное, никто просто не верил, что Зверь, действительно, может нас преследовать...

Я бы осталась рядом с Лином куда бы он ни пошел. И какая бы опасность ему ни грозила. Я была обязана ему жизнью... И если бы он ушел, я бы неминуемо умерла. И случайная пуля мародера была бы не так страшна, как разлука с ним. Я бы пошла с ним на край земли. Потому что любила.

Пока мы шли, Лин всегда находился рядом. Почти не разговаривал со мной, не касался даже пальцем, но когда поход становился опасным, он возникал за моей спиной, будто ангел-хранитель. Я была храброй и сильной, и могла сама за себя постоять, но его помощи никогда не отвергала.

Как-то ночью, когда я стояла на часах, он проснулся раньше остальных и предложил мне подмениться.

– Я выспался, а тебе нужно поспать. Впереди долгий день.

– Я досижу. Я такой же воин, как и ты.

Я облокотилась на винтовку, оперев ее прикладом в землю. Мне действительно не хотелось спать.

– Ты должна носить респиратор, Гун. Иначе заболеешь.

– Всем нам харкать кровью, Лин. После того, где мы побывали, другого конца не предвидится.

Он сжал кулаки. Я услышала, как скрипят его кожаные перчатки.

– Дура!

Он вернулся на свое место и лег ко мне спиной.

Наверное, это выглядит глупо, но мне показалось, что в тот раз, впервые за долгие годы он обратил на меня внимание. Не на воительницу Гун, а на простую девушку, у которой могут быть чувства. Он наконец-то увидел во мне человека.

И все утро я, как дура, проходила с улыбкой.

А на следующий день мы подошли к проливу, черные волны которого бесновались от разыгравшегося шторма. Мост, видневшийся на горизонте, был обрушен и только несколько каменных опор все еще торчали из воды черными зубьями.

– Нужно найти корабль, – предложил Таг, покачиваясь на каблуках армейских ботинок.

– Думаешь, они все еще на ходу? – спросил Лин, разглядывая черную жижу, бултыхавшуюся у берега.

– Другого варианта у нас все равно нет.

– Что это с водой? – Мияко подобрал с земли горсть серой гальки. Копна его черных волос от ветра завалилась набок, словно меховая шапка. Он бросил несколько камушков в реку, но брызг не последовало. Камни увязли в воде, словно в топи.

– Нефть, – пожал плечами Чжин, доставая из кармана жилета коробок спичек, – брошу спичку, все тут полыхнет на хрен.

– И мы пойдем сквозь огонь, как и было написано в Библии? – засмеялся Мияко.

– Дурень, там такого не было!

–И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильными восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды, – Алан подошел к спорящим и положил им руки на плечи. – Это Исход, глава 14...

– Уже наизусть выучил?

– Я замаливаю грехи, Мияко. Слишком много смертей... – он обернулся к нам. – На всех нас. Слишком много смертей...

Примерно полгода назад Алан стал верующим. Крестил сам себя в разрушенной церквушке, надел на шею распятие и каким-то образом сумел отыскать почти нетронутую временем библию. У каждого свой разговор с совестью. Что успел натворить Алан, пока мародерствовал, известно только ему и Богу. И у Бога теперь он просит прощения. По крайней мере – это не лишено смысла.

Мы все идем сквозь войну, взращиваем в себе ее семена. Остаться человеком в мире, залитом кровью, очень непросто, но мы стараемся из последних сил. Карабкаемся к свету тусклого солнца, чтобы растопить лед, выросший в груди. В той яме, куда рухнуло человечество, когда первые ядерные заряды ударили по земле, плещется только холодная тьма. Упав туда, почувствовав вкус крови на губах, мы уже не сможем вернуться обратно.

– А где нам искать корабль, в Библии не написано? Ведь море не расступится, я полагаю? – Мияко поправил патронташи, переkreцивающиеся на груди.

– В доках, – взгляд Алана был обращен к разрушенной фигуре моста. – В доках, мой друг.

Мы нашли корабль. Ржавую махину, на которой когда-то, судя по всему, перевозили тяжелые грузы. Судно дало сильный крен вправо, но все еще оставалось наплаву, пришвартованное к прогнившему причалу. У берега его удерживала громадная цепь, натянутая, словно струна. А вокруг, из воды, похожие на черные рифы торчали обломки остальных кораблей, брошенных хозяевами в безжалостную пасть времени.

Чжин, разбиравшийся в технике лучше остальных, забрался на капитанский мостик и попробовал запустить двигатели. Глупо было надеяться на то, что судно, после стольких лет клинической смерти, оживет в один миг. Поэтому нам пришлось спускаться в моторный отсек, который провонял гнилью так, что свободно дышать не помогал даже респиратор. Жаль, что тогда мы не заглянули в трюмы. Запах исходил именно оттуда.

Полдня Чжин провозился с моторами, и, в конце концов, с недовольным скрежетом двигателя заработали. После краткого курса обучения Таг, я и Лин встали у руля, в рулевой рубке, а Алан, Мияко и Чжин остались в ходовой, чтобы следить за курсом и направлять судно к противоположному берегу.

– Судя по всему, – сказал Чжин, когда инструктировал нас, – это рефрижераторное судно. Его трюмы – это огромные холодильники. Но сейчас, думаю, все они сдохли.

– Зачем людям нужен был плавающий холодильник? – иногда я искренне удивлялась технике, которой люди пользовались в 21 веке.

– Скорее всего, так они перевозили продукты, которые быстро портились. Ту же рыбу. В замороженном виде она может лежать месяцами, а так сгниет за пару дней.

– Может нам поискать здесь еду? – улыбнулся Мияко.

– Вряд ли она тут осталась. Когда холодильники отключились, вся еда превратилась в гниющие горы. Очень привлекательное место для мух, и прочих паразитов.

– Эти твари переживут и нас, – сплюнул Таг.

– Твари Божьи. Значит так угодно Господу. Значит они достойнее, чем мы...

Конечно же, последние слова принадлежали Алану.

Но весь разговор был пустым. С того момента, как корабль отошел от берега, единственной едой на его борту стали мы.

Первым маленькую девочку, идущую по палубе, заметил Таг. Она держалась за поручни бортов, а черные волны ударами хлыста обрушивались позади нее, разлетаясь в стороны веером ядовитых капель.

– Смотрите, там ребенок!

Мы все увидели ее. Бледную фигурку на фоне бушующей стихии. Казалось, порывы ветра вот-вот сметут ее с палубы в раскрытую пасть чудовищного моря. Она звала на помощь, но мы видели только ее испуганное лицо – белое пятно с черной дырой раскрытого рта.

– Господи... – я дернулась к выходу, но Лин схватил меня за плечо:

– Мы с Тагом сходим. Кто-то должен остаться у руля.

– Вы можете ее напугать!

Он только улыбнулся мне:

– То есть сейчас, по-твоему, она спокойна?

Судно закрипело и поднялось, носом влетев в гребень бурлящей волны. Оно распорол его, словно истлевшую ткань, а девочку откинуло вниз по палубе. Она заскользила к бортам по скользкой черной жиже с визгом, перекрывающим грохот шторма.

– Скорее идите!

Лин и Таг исчезли в дверном проеме. Я только услышала, как застучали их шаги по железной лестнице.

"Откуда ты здесь?" – Подумалось мне, прежде чем в рубку влетел запыхавшийся Мияко.

– Вы что тут, все свихнулись? – Он огляделся. – А где все?

– Там был ребенок. На палубе. Да вон она, сам посмотри. Девочка...

Мияко с недоверием уставился в треснувший иллюминатор. На залитой чернотой палубе, теперь уже серая фигурка медленно ползла к открытому люку одного из трюмов.

– Твою мать, и что она тут делает? Откуда она взялась, вообще?

– Наверное, жила здесь... На корабле

– Какого хрена?.. Слушай, мы отклонились от курса. Давай выравнивай это корыто, забирай влево, иначе нас унесет черте куда!

– Пускай сначала Лин и Таг спасут эту глупышку. Они пошли за ней.

– Ты не понимаешь, Гун. Если не возьмешь влево, корабль завалится набок. У него чертов крен, Бог его знает во сколько градусов! Давай уже или мы все тут погибнем!

Мне ничего не оставалось делать. Я плавно, стараясь сохранить балансирование на волнах, вывернула рулевое колесо. Корабль тяжело застонал и медленно начал уходить в сторону. Мне показалось, что я услышала даже, как заскрипело под водой ржавое рулевое устройство, меняя направление курса. Мияко ухватился за приборную доску. Я увидела, как задрожали мышцы на его руках.

– Пошло дело!

– Где Лин и Таг? – в рубку, держась за стены, вошел Алан.

– Пошли за девчонкой. Не все пассажиры на корабле были посчитаны.

– Девчонкой?

Он подошел к обзорным иллюминаторам. Но девчушка уже забралась внутрь люка корабля. Зато на палубе появились знакомые фигуры Тага и Лина. Они осторожно пробирались между кучами швартовых тросов к темному зеву трюма.

– Что это был за ребенок? – я заметила, что Алан поглаживает серебряный крестик, висящий у него на груди.

– Обычная девочка. Напуганная тем, что ее дом, вдруг, оказался посреди бушующего моря...

– Зачем же она вышла из укрытия, в котором просидела все это время? Гун, ты веришь в то, что ребенок мог выжить на том причале один?

Алан вытянул из-под защитного жилета тяжелый пистолет, и посмотрел на меня красными от недосыпа глазами. Я знала, что ночами он часто молится, но не думала, что вера настолько глубоко поселилась в его сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.